

Мария Метлицкая

Вполне
счастливые
женщины

ЖЕНСКОЕ
СЧАСТЬЕ

Мария Метлицкая
Вполне счастливые
женщины (сборник)
Серия «Женское счастье»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37405364

*Вполне счастливые женщины / Мария Метлицкая: Эксмо; Москва;
2018*

ISBN 978-5-04-098121-2

Аннотация

Большинство людей на вопрос, счастливы ли они, ответят отрицательно. Более того, они, скорее всего, даже перечислят, что именно им нужно для полного счастья. Героини Марии Метлицкой – кто раньше, кто позже – понимают, что счастье в самых простых вещах – в запахе флоксов по утрам на старой даче, в улыбке ребенка, в благодарном взгляде любимого человека. Важно ценить то, что имеешь, и тогда обязательно будешь счастлив.

Содержание

Вполне счастливые женщины	5
Матильда	17
Запах антоновских яблок	41
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мария Метлицкая
Вполне счастливые
женщины
Сборник

© Метлицкая М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Вполне счастливые женщины

Всем хороша была Настя Емельянова. Рост – метр семьдесят, не дылда по нынешним временам. Не из тех мутантов под два метра, рядом с которыми нормальный мужчина чувствует себя ущербным карликом. Под ее рост любой мужчина подойдет. Фигура – все при ней. Бедра на месте, и в лифчике без пустот. Шея длинная, запястье тонкое, ступня узкая. А про лицо и говорить нечего. Волосы светлые, легкие, глаза голубые, нос – что в фас, что в профиль. А по остальным пунктам? Тоже не придерешься. Образование высшее, работа приличная – язык, компьютер, чистый офис в центре. Квартира своя однокомнатная – родителям спасибо. Да и сама и вяжет, и печет. О ресторанах и ночных клубах не думает. С работы – домой. Бархатные брючки с маечкой, тапочки с собачьей мордой – и на диван, к телевизору – спицы, клубки. Не жена – мечта. Тихий причал. Вот только замуж никто не предлагает. Не везет просто. Ходил три года один женатик – ныл, жрал и спал. А к ночи бегом домой. На часы взглянет – и трясется от страха как бобик. Трясся, трясся, а потом и вовсе слинял. Даже не объяснился. Если посчитать, сколько на него денег потрачено... Тут и рубашки к празднику, и одеколоны французские. А деликатесы! Икра, севрюга... Все зря! Обидно было до слез. Плакала не от горя, а от злости.

А потом появился Игорь. Все, думала, здесь повезет. Холостой, тридцать лет, фактурный, работает в солидной фирме. Не жадный. Никаких бывших жен и алиментов. Костюмы сидят как влитые, галстуки дорогие, машина приличная. Берет голыми руками. Не тут-то было. Второй год ходит. Правда, с цветами и конфетами. А толку? Она его ждет – халатик шелковый, стол под кружевной скатертью. Приборы, свечи, тихая музыка. В духовке – рыба по-польски, белое вино охлаждается, на десерт взбитые сливки с фруктами.

Он заходит, чмокает в щеку, в кресло садится, очки снимает – переносицу трет. Устал. А Настя молчит, все понимает, в душу с разговорами не лезет. Может, в душ, Игорек? Он соглашается. А она ему в ванную халат махровый голубой и тапочки в синюю клетку. Это потом уже и рыба, и вино. Все по схеме. Как мама учила. А мама у Насти – будьте любезны, авторитет! Папашу-инженера быстренько задвинула и замуж за депутата. Это в пятьдесят-то лет! Живет сейчас – говорить нечего. Сама себе сказку устроила, своими руками.

Да, так вот, Игорек после ужина уже расслабился и улыбаться начал, а она его не в койку тянет, а на диванчик к телевизору – новости эти дурацкие смотреть. Такое все мужчины любят. А сама рядом, с краешку. Спицами звяк-звяк. Ничего, мы терпеливые. Это мы вам позже покажем, на что способна умная и тонкая женщина.

А он, гад, второй год ходит, ест, нахваливает, газетки листает. А про замуж – ни-ни. Настя ждет каждый божий день,

а он как воды в рот набрал. Потом Настя, конечно, от злости и обиды плачет, но он этих слез не видит. Ему одни улыбки. Ну что ему еще надо? Настя искренне не понимает. Но в руки себя берет и борьбу продолжает. Что поделаешь, вся жизнь – борьба. Так учила мама.

В мае как-то вдруг сказал: «В субботу, Настюш, на дачу поедем. Там уже сирень цветет». Какая сирень, там мамаша его живет! Так, значит, лед тронулся! Мамаша для него – первый человек. Так ей Игорь объяснял. А она его мамашу хоть и заранее терпеть не могла, но на Восьмое марта конфетки и цветочки регулярно отправляла.

Вечером Настя расстаралась: пирожков с капустой напекла, каждый с мизинец, курицу с яблоками в духовке зажарила. Все в корзиночку сложила, льняной салфеткой прикрыла. Волосы зачесала гладко, косметики никакой. Джинсы, свитерок в клеточку, белые кроссовки. В машину впорхнула – не женщина, свежий морской ветерок. Настроение замечательное. Думает, вот сейчас ситуация переломится. Конечно, в ее, Настину, пользу. Всю дорогу в машине напевала: «Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом». Тихонько так напевала, но слова-то не пустые. Пусть задумается, куда он без Насти долетит. Улыбалась – да, милый, хорошо, милый.

А в душе тревога. Какая она, его мамаша? Представляла себе ее крупной, ярко накрашенной, с сигаретой и громким голосом. В общем, вся властная такая. А оказалось, старуш-

ка – божий одуванчик. Буколки седые, синькой подкрашенные, очки на носу. Низенькая, полненькая – чистый колобок. Ну, эту мы быстро обезвредим, подумала Настя. Из машины выпорхнула – ангелица без крыльев. И здравствуйте, добрый день, и как здоровье, и какой у вас тут воздух – прямо пьешь, и сирень какая – мои любимые цветы. Бабка покивала и в дом пошла, а Настя осталась причитать у крыльца.

Время к обеду, бабка сидит, не шелохнется, сериал дурацкий смотрит. Но Настю так просто голыми руками не возьмешь. Вздохнула поглубже и корзиночку свою плетеную вытащила. И опять защebetала – где стол накрывать, Игорек? Ах, аппетит на воздухе будь здоров! Мамаша его со стула не встала, только на буфет кивнула – посуда там. Ничего, переживем. Настя волчком закрутилась. Овощи на салатные листья разложила, брынзу нарезала, базиликом присыпала. Пирожки на блюдо, курочку на куски, кружками ананасов украсила. И голоском таким мелодичным, звенящим – всех к столу! За обедом Игорь с мамашей разговаривают, вроде Насти и нет рядом. У нее комок в горле. Но на лице улыбочка – курочки еще положить? Мамаша ест, а слова доброго не скажет – ни про пирожки, ни про красоту на столе. Настя посуду собрала, в тазу моет, маникюр не жалеет, а у самой слезы из глаз от такого приема. Потом гулять пошли по поселку. Игорек оживился, про детство свое рассказывает. Здесь в футбол гоняли, здесь яблоки обрывали, здесь по ночам костры жгли. Очень интересно! А Настя идет рядом, го-

ловой кивает, а сама думает: все тебе припомню и мамаше твоей. Все до копейки. Подожди, время придет.

Вечером в Москву засобирались – ни тебе посиделок, ни чаев вечерних, ни разговоров. Мама сыночка расцеловала, а Насте кивнула сухо, небрежно. Какое там «Была рада познакомиться» или «Приезжайте еще». Настя в машине молчала, песен уже не пела. Настроение – хуже некуда. А вот Игорек радовался – воздухом подышали, с мамой повидались, детство вспомнили. Настю от этих радостей затошнило. Так обиделась, что в первый раз его зайти не пригласила.

– Извини, дорогой, голова разболелась.

– Это у тебя от воздуха, – почему-то обрадовался он и укатил, всем вполне довольный.

Дома Настя выпила рюмку коньяку, сигарету выкурила и наревелась вдоволь. Больше всего она не любила, когда что-то шло не по плану. А потом взяла себя в руки и сказала твердо и громко, глядя в зеркало:

– Ну, это мы еще посмотрим, кто кого.

Следующим тактическим ходом был Настин день рождения. Все продумано до мелочей. Наряд – нежный, небесно-голубого цвета, под Настины глаза. Стол – никаких салатов с тяжелым майонезом. Руккола с помидорами и моцареллой, семга под соевым соусом, слоеный пирог с пармезаном. А главное – компания. Две семейные пары, Настины коллеги. Успешные, молодые, красивые. Настя готовила свой будущий круг.

Разговоры крутились вокруг нянь и домработниц, летнего отдыха на Сицилии или на Ибике, последних коллекций дизайнеров, новых марок машин. Женщинам этим, уже замужним и устроенным, Настя, конечно, завидовала, с удовольствием находя в них изъяны. Но сейчас ее волновало другое. Они выполняли свою функцию – своим присутствием и благополучием должны были подтолкнуть бестолкового Игоря к действиям. В подарок Игорь принес банальные бордовые розы на длинных стеблях, которые Настя не выносила, и дежурный флакон французских духов. А так хотелось увидеть маленькую бархатную коробочку с тоненьким изящным колечком! Что же, терпение и еще раз терпение. Настя загадочно улыбалась, плыла по квартире и красиво разливала кофе в изящные маленькие чашки.

После кофе решили потанцевать. Настя положила голову Игорю на плечо и обняла его за шею – легкими, невесомыми руками. В дверь раздался настойчивый, долгий звонок.

– Кто это? – удивился Игорь. – Мы еще кого-то ждем?

Настя пожалала плечами, подошла к двери и посмотрела в глазок. За дверью стояла Лолка – соседка с пятого этажа. Дурацкая и вульгарная девица, навязчивая, как цыганка. Больше всего на свете Насте хотелось приоткрыть дверь и послать эту Лолку куда подальше. Но за спиной у нее стоял Игорь. Пришлось открыть. И изобразить нечаянную радость. Лолка стояла в красном платье с распущенными по плечам черными густыми кудрями, в босоножках на высоченных каблук

и, конечно, с сигаретой в зубах.

– Настька, я только сейчас вспомнила, что у тебя день рождения, – радовалась Лолка.

«Этого-то я и не предвидела», – с ужасом подумала Настя. Лолка сунула ошарашенной Насте в руки пакет с подарком, плечом отодвинула Настю и зашла в комнату.

– Всем приветик! – бросила она.

Все неловко замолчали.

– Чего-то у вас невесело, – удивилась Лолка. Она плюхнулась на диван и томно произнесла, обращаясь к Игорю: – Шампанского, пожалуйста!

Игорь почему-то засуетился. Настя вышла на кухню. Надо было взять себя в руки. Когда она вернулась в комнату, Игорь уже танцевал с Лолкой, плотно прижав ее к себе.

Настины гости растерянно попереглядывались и вдруг забирались по домам. Все стояли в прихожей и благодарили Настю за чудесный вечер. В комнате Игорь с Лолкой продолжали свой бесконечный танец.

– Игорь! – хриплым голосом крикнула Настя. – Ребята уходят!

Не сразу и с некоторым усилием он оторвался от Лолки и вышел в прихожую с отрешенным лицом и отсутствующим взглядом. Проводили гостей. Вернулись в комнату. Посреди комнаты стояла Лолка и раскачивалась в такт музыке. Увидев Игоря, она протянула к нему руки, и они снова вцепились друг в друга.

Настя растерялась, она не понимала, что делать. Да нет, конечно, надо было взять эту стерву за космы и выкинуть за дверь. А выдержка, самообладание, мудрость, наконец? Устроить непотребный скандал? Нет уж, извините. Тогда все коту под хвост, все усилия. Я – тонкая и нежная. А хабалкой пусть остается Лолка. Настя стала мыть посуду. Чего ей это стоило, знал один бог. В комнате весело щебетали Игорь и Лолка.

– Лолик, – прошипела сквозь зубы Настя, – извини, мы устали.

– Да? – удивилась Лолка. – Ну я пошла. Утром приходите ко мне на кофе.

– Что?! – не смогла сдержать свое возмущение Настя. Ну не железная же она, в конце концов.

Она захлопнула дверь за Лолкой и повернулась к Игорю.

– Ну, как все прошло? – мягко спросила она.

– Отлично, малыш. А сейчас спать, я действительно жутко устал.

Настя ожидала и ночи любви, и милых семейных сплетен по поводу вечера. Ничего подобного. Игорь клюнул ее в щеку и отвернулся. Позевывая и пытаясь скрыть свое явное любопытство, спросил у Насти:

– А что, эта твоя соседка правда испанка?

– Слушай ты ее больше, цыганка наверняка. Наглая и назойливая. Парикмахерша, между прочим.

– А-а... – протянул, зевая, Игорь, никак это не проком-

ментировав.

Утром он уехал без завтрака. Настя целый день провалялась на диване. Ей казалось, что жизнь опять показывает ей кукиш. Игорь не появился в положенную пятницу, сказав, что у него бронхит, и старательно кашляя в трубку. А в субботу они столкнулись в подъезде. В руках у него был большой букет белых лилий.

– Ты поправился? – удивилась она.

– Да, в общем. Почти, – смутился он.

В этот момент подошел лифт. Настя зашла в лифт и посмотрела на Игоря. Он почему-то стоял как столб, как бы раздумывая, стоит ли ему туда заходить. Потом вздохнул и все же вошел. Настя нажала на кнопку, а Игорь тихо и внятно сказал:

– Мне на пятый, Настя.

Те доли минуты, пока они ехали в лифте, показались Насте часами. Дверь лифта открылась, Игорь вышел.

– Как это может быть? – одними губами спросила Настя.

Минуту Игорь молчал и смотрел в пол, а потом произнес:

– Сам не знал, что вот так может быть. Просто землетрясение какое-то. Прости, если сможешь.

– Не прощу, – ответила Настя.

– Ну как знаешь. В общем, не блины с тапками главное.

– А что? – еле слышно спросила Настя.

– Дай бог тебе самой это узнать, тогда ты меня поймешь.

Объяснить невозможно.

Настя нажала на кнопку шестого этажа. Дома она не плакала, а просто сидела в кресле – два, три часа. Времени она не замечала. А потом встала и сказала громко:

– Ну, этого я так не оставлю.

Она собрала вещи Игоря – голубой махровый халат, синие клетчатые тапки, зубную щетку, пену для бритья «Жиллетт», пару носков и рубашки – все, что оставалось. Положила в пакет и взяла зажигалку. Спустилась на пятый этаж. У обшарпанной Лолкиной двери она вывалила вещи из пакета, щелкнула зажигалкой, посмотрела, как разгорается огонь, и медленно поднялась к себе.

Соседи вызвали пожарных и милицию. Деревянная Лолкина дверь выгорела почти дотла. Милиция хотела составить акт, но Игорь с Лолкой убедили их, что к поджигателю не имеют никаких претензий.

Настя взяла больничный и неделю лежала дома. Не ела, не пила. Потом приехала мать и увезла ее к себе. Мать убеждала Настю, что ничего страшного не произошло, жаль, конечно, потраченного времени, но жизненный опыт неоценим. Вообще этот козел не стоит ни единой Настиной слезинки. И сказала, что она, Настя, не там ищет и что теперь спутника жизни мать подберет ей сама. На примете уже имелся коллега ее мужа, тоже депутат. Правда, слегка женатый, но это дело поправимое. В глубинке, на родине жениха, осталась его семья – жена, провинциальная квочка, и ребенок. История прошлая, и везти эту самую жену – ни кожи ни рожи

– в Москву не было никакого резона. Теперь ему была нужна красивая, молодая и образованная москвичка. Почему не Настя? Мать считала, что дело почти решенное, оставались только технические моменты.

Настя вернулась домой через месяц, изрядно подустав от деятельной матушки. А через три дня, когда она вышла на балкон покурить, увидела длинный белый лимузин у подъезда, Лолку, затянутую в шелковый корсет, с веночком из мелких цветов на буйных кудрях, и Игоря, который подхватил эту самую Лолку на руки и понес к машине. Настя бросила недокуренную сигарету вниз – жаль, что окурочек отогнал ветер и не вспыхнул тонкий атлас пышной невестинной юбки.

А через две недели, в дождь и мерзкую ноябрьскую промозглость, Настя ловила машину после работы. Машина остановилась. За рулем сидел здоровый молодой парень. Машину он вел уверенно и даже лихо, громко подпевая радио «Шансон». Настя посмотрела на его крупные руки и почему-то, неожиданно даже для себя, пригласила его к себе – выпить кофе. Он рассмеялся, весело посмотрел на Настю и сказал, что кофе не пьет, а пьет чай и пиво.

Звали его Денис, и переехал он к ней через месяц. Сразу починил кран в ванной, поправил карниз на кухне и принес в дом странные продукты, которые раньше у Насти не приживались, – свинину, картошку, селедку. Играючи пожарил отбивные и картошку и попросил Настю на завтра сварить борщ. Но главное не это. А то, что, кажется, Настя уже почти

поняла, засыпая ночью на широкой груди Дениса и с нежностью слушая его довольно мощный храп. Ну, в смысле поняла, о чем ей тогда говорил Игорь. Ну, когда пожелал ей понять что-то такое, о чем он раньше не догадывался сам.

Вот такие метаморфозы случаются с человеком. Не часто. Но все же бывает. И жизнь иногда разворачивается самым неожиданным образом и для окружающих, и для нас самих. А спустя год Настя родила дочку, такую же крупную и щекастую, как и ее отец. Гуляя с коляской во дворе, столкнулась как-то с Лолкой – та была тоже с коляской. Настя посмотрела на испуганную Лолку и рассмеялась. На следующий день они гуляли уже вместе, конечно, вдвоем веселее. Обсуждали, естественно, свои женские дела – памперсы, соски, обеда, ужины, мужей.

В общем, все то, что обычно обсуждают вполне счастливые женщины.

Матильда

В четверг вечером, когда Мишенька уже спал, она садилась на веранде, брала в руки карандаш и листок бумаги из блокнота, надевала на нос очки и, вздыхая, задумчиво смотрела перед собой. Ей предстояло хорошенько подумать, не пропустить ничего и, конечно же, изложить это подробно на бумаге. Она вообще обожала всякие тетрадочки, блокнотики и просто разрезанные на четыре части бумажные листы – любила все фиксировать. Так она делала всю жизнь. А к старости, когда память подводила все больше и на свою голову она уже и не надеялась, без этих записочек она и вовсе не справлялась. К тому же человеком она была крайне ответственным. А тут такое дело! Приближались выходные, а это означало, что приедет вся большая семья. Съедутся, конечно, все, это наверняка. Находиться в городе практически невозможно – уже четвертую неделю стоит невообразимая, изматывающая, сумасшедшая жара. Даже здесь, на даче, воздух был раскален до предела, земля разохлась и покрылась глубокими трещинами – за весь месяц дождь не пролился ни разу. Лето было объявлено аномальным – но кому от этого было легче? Правда, под вечер, после десяти часов, за городом все-таки наступала если не прохлада, то все-таки хоть какое-то облегчение. А город, конечно, не успевал остыть даже к ночи.

Итак, завтра, в пятницу, предстояла большая готовка. Несмотря на жару, аппетит у всех, как, впрочем, всегда, будет отменный. Конечно, кто-нибудь обязательно привезет мясо на шашлык – скорее всего, Герман. Но прекрасно пойдут и холодный щавелевый суп, и непременно пироги – с капустой, мясом и, конечно, сладкие, к чаю. Например, с яблоками или вареньем. Да что пироги? Это так, баловство. Для разбежки и услады, так сказать, желудка. Еще требуется что-то посущественнее – например, жаркое или жареные цыплята. Матильда тяжело вздохнула и опять задумалась. Да, и непременно квас. Свой, домашний, из ржаного хлеба и изюма. Все эти газированные подделки из пластмассовых бутылок она категорически не признавала.

Записав все это, она придирчиво и внимательно проверила, не пропустила ли чего, и поставила в конце листа жирную точку. Завтра предстоит тяжелый день. Надо принять снотворное, чтобы хорошенько выспаться, а то будет ползать, как сонная муха. Заснуть самостоятельно она давно не надеялась.

Она зашла на кухню и повесила список на гвоздь над плитой. Потом тихо подошла к двери Мишенькиной комнаты и прислушалась – оттуда доносился мерный и негромкий храп.

– Спит, – прошептала она и улыбнулась. Слава богу, спит! Со сном у него тоже совсем не ах. Что поделаешь, возраст!

На цыпочках она прошла в свою комнату, надела ночную рубашку, выпила снотворное, легла в кровать и погаси-

ла свет. Долго ворочалась и думала о своих племянниках.

О Германе, самом любимом (что она, впрочем, тщательно и неумело скрывала). О том, как мальчику не везет – очередная, четвертая по счету, жена оказалась еще хуже трех предыдущих. Конечно, сам виноват – все его тянет на длинноногих блондинок, а от них, как известно, ни проку, ни толку. Пора бы к сорока годам научиться разбираться в людях и не наступать на те же грабли. Но нет, не получается.

Потом стала думать о Леночке. У той тоже все не слава богу. Первый муж разбогател и ушел к секретарше – обычная по нынешним временам история. Оставил двоих мальчишек-погодков. С катушек после ухода отца они слетели мгновенно, Леночка с ними справиться не могла. И потом, ее здоровье – мигрени с пятнадцати лет. К каким только светилам не ходили, чего только не пробовали – все без толку. Только один честный профессор сказал, что эта болезнь не лечится. Возможно, пройдет после климакса. А какой климакс, если Леночке всего сорок два и вдобавок – никакой личной жизни?

А третий племянник, Борис? Который год без работы, как его НИИ сократили. Кормит семью тем, что левачит на машине. И это после МИФИ! Жена, Ксаночка, после онкологии – что-то по-женски – на инвалидности третий год. Две дочки – Оля и Ларочка. Одна уже по возрасту вышла в старые девы, а другая одна с ребенком. Тоже маются. Квартирка тесная, крошечная, три малюсенькие комнаты. А народу!

В общем, за всех болит душа. Ведь все они – самые родные люди. Ее семья.

Утром она сразу принялась за дела. Первое дело и самое важное – обиходить Мишеньку, Михаила Борисовича. А это означает приготовить завтрак (обязательно геркулесовую кашу и два яйца всмятку), заварить свежий чай, бросить туда пару листочков мяты, сорванной на огороде. После завтрака положить в рюмочку утренние таблетки – от давления и сердечные. Далее Михаил Борисович обычно усаживается в кресло на открытой веранде и просматривает свежие газеты.

Если утро прохладное, Матильда выносит из дома плед и укрывает ему ноги и только потом берется за хозяйство: ставит тесто на пироги, прокручивает заранее сваренное мясо, тушит капусту для начинки, маринует цыплят. Заглядывает в свой список и с удовольствием отмечает уже выполненные пункты.

Ровно в два часа нужно покормить Мишеньку обедом. Она накрывает на стол, наливает тарелку супа и садится напротив. Мишенька ест и нахваливает. Кормить его было одно удовольствие.

– Как же вкусно, Матильдочка! – каждый раз удивляется он.

А она в который раз расцветает.

– Ты самый благодарный кушатель! – шутит она.

Десять лет прошло, как не стало Изы. Десять лет. После ее похорон Мишенька грустно пошутил:

– Перехожу в твое безраздельное пользование.

Все это было бы почти смешно...

Родители были затейники: девочек-погодков называли Матильда и Изольда, наверное, им казалось, что это очень красиво. Правда, Изольде повезло больше – она сразу же сократила себя до короткого и емкого «Иза». А вот «Матильда» никак не сокращалось. Матя? Тильда? Похоже на собачьи клички. Ей вообще категорически не шло это опереточное имя. Матильда представлялась ей тоненькой, легкой, воздушной, с рыжеватыми кудрями и задорным вздернутым носом. А она была девочкой полной, неуклюжей, с длинной косой и в очках с толстыми линзами. Была Матильда тихой, пугливой, задумчивой, легко краснеющей. Забиралась в кресло с ногами и читала, читала без конца все, что попадалось под руки, была записана сразу в три окрестные библиотеки. Мать тяжело вздыхала, понимая, какая невеселая женская судьба уготована дочери, и называла ее синим чулком.

А вот Иза родителей радовала – легкая, смешливая, озорная. К тому же хорошенькая, глаз не отвести. С четырнадцати лет отбоя от кавалеров не было. В школе – первая красавица. Учебой себя, правда, не утруждала, говорила, что и так жизнь устроит. Оказалась права.

Мать за нее очень беспокоилась – и, как оказалось, не зря. В шестнадцать лет Изольда сделала первый аборт. Мать все устроила шито-крыто, не дай бог, отец узнает, и со злостью

бросила дочери:

– Хоть бы замуж тебя поскорее взяли! Намучаемся мы с тобой!

Вступительные экзамены Иза завалила и через полгода выскочила замуж. Муж, избалованный профессорский сынок, оказался бездельником и полным ничтожеством. Через полгода она вернулась под родительский кров. Устроилась секретарем в суде и вскоре закрутила роман с адвокатом – известным, немолодым и женатым.

Матильда поступила в институт культуры, на библиотечное отделение, была уверена, что нашла дело точно по душе. И – о чудо! – на третьем курсе у нее появился ухажер. На институтские вечера приглашали молодых людей из технических вузов, ведь родной «кулек» (как называли институт культуры) был заведением девчачьим. Матильда оказалась там случайно – затащила подружка. Стояла тихо в уголке и мечтала поскорее смыться. Но тут ее пригласили на медленный танец. Матильда залилась пунцовым румянцем и хотела было отказать кавалеру, но подружка почти выпихнула ее вперед.

Кавалер представился:

– Михаил.

И она, мучительно краснея, произнесла свое, как ей казалось, смешное и нелепое имя.

Он удивился:

– По-моему, красиво. Во всяком случае, точно необычно.

Пригласил ее еще на два танца и, увидев, что она засоби-ралась домой, вызвался проводить.

Матильда влюбилась в новоиспеченного кавалера со всей пылкостью неискушенной души. Теперь Михаил встречал ее после занятий, и они бродили по улицам, болтали обо всем на свете, заходили в музеи, в киношки и с каждым днем открывали у себя все больше общего.

Был ли Михаил в нее влюблен? Нет, скорее всего, нет. По крайней мере, на пылко влюбленного он похож не был – не пытался ее поцеловать или приобнять, не брал за руку. Просто ему было с ней интересно, она не походила на окружающих его девиц и определенно была ему родственной душой. Матильда похудела, что, впрочем, ей очень шло, осунулась, не спала ночами и писала наивные и трогательные стихи о любви. И была абсолютно и безоговорочно счастлива.

У Изы же все шло наперекосяк. Кавалеры как-то сами собой рассосались. Ее любовник встречался с ней крайне редко, урывками – он действительно был очень занятой человек, к тому же обремененный большой семьей. Иза злилась, дурнела и много плакала. Вечерами крутилась у телефона – ждала звонка. Раздражалась на родителей и на сестру, видя ее счастливые влюбленные глаза.

Как-то после очередного похода в театр Матильда впервые пригласила Мишу в дом. «На чай», – сказала она. Сидели на кухне, и мама кормила их ужином. Вышла Иза. С усмешкой оглядела всю компанию и сказала что-то едкое и

язвительное. Матильда покраснела, а мама вздохнула и покачала головой. Миша сидел, опустив глаза.

Через месяц он пришел с букетом гладиолусов и попросил Изиной руки. Матильды дома не было.

– А как же Матильда? – растерянно спросила мать.

Миша удивился:

– А при чем тут Матильда? С Матильдой мы просто друзья.

Тем же вечером Иза встретила с любовником и сообщила ему, что ей поступило предложение руки и сердца.

– Конечно, выходи, – устало кивнул адвокат. – Пора же как-то упорядочить свою жизнь.

Она посмотрела на него долгим и внимательным взглядом, развернулась и пошла прочь. Тем же вечером объявила Михаилу, что принимает его предложение.

Что творилось с Матильдой, знал только бог. Мать смотрела на нее и украдкой вытирала слезы. Отец хмурил брови и отводил глаза. А Иза была весела и беспечна – шила у портнихи свадебное платье и бегала по магазинам, ища белые туфли.

Матильда лежала на кровати лицом к стене. Вошла Иза и раздвинула шторы. Матильда зажмурилась от яркого света. Иза присела на край кровати и потрепала по голове.

– Эй, вставай! Хорош валяться! У сестры свадьба на носу, а она трагедь разыгрывает!

Матильда дернулась и сбросила Изину руку.

– Нет, я не понимаю! – искренне возмутилась Иза. – Ну, что поделаешь, если он выбрал меня? Разве я в чем-то виновата? В конце концов, у вас же ничего не было, вы же просто дружили. Или я не права?

Матильда села на кровати и, не глядя на сестру, тихо сказала:

– Ты права, Иза. Конечно, ты, как всегда, во всем права.

– Ну вот и порадуйся за меня! – радостно подхватила Иза. – И за своего друга, между прочим, тоже.

Матильда кивнула.

Свадьбу справляли дома. Матильда помогала матери резать салаты и накрывать на стол и молила бога, чтобы эта пытка поскорее закончилась.

– Только бы все это пережить! – шептала она.

День свадьбы был яркий и солнечный, с легким дуновением свежего ветерка. А когда подъехали к загсу, пролился короткий, теплый грибной дождь. И после на небе высветилась яркая и четкая радуга.

– Это к счастью! – расплакалась мать и бросила испуганный взгляд на Матильду.

Матильда улыбнулась и кивнула. «В конце концов, два любимых и родных человека счастливы!» – подумала она. Именно в тот момент она навсегда поставила точку на своих страданиях и сомнениях и запретила себе считать, что несчастна.

После свадьбы молодые уехали жить к Михаилу – у него

была своя комната в коммуналке в Новых Черемушках. Через год Иза родила первого сына – Бориса. Матильда приезжала к сестре через день – постирать, приготовить обед, погулять с племянником во дворе.

Родители старели, болели. Отец перенес почти подряд два инфаркта, а мать мучили ноги – сильнейший артроз. Матильда приняла все хозяйство на себя. Смиренно и без роптаний. Продолжала ездить и помогать сестре, та была беременна вторым ребенком. Родилась дочка, Леночка.

Матильда старалась убежать вечером пораньше, до прихода Михаила с работы. Душа все еще болела, видеть его было тяжело. Но она искренне радовалась, что у сестры хорошая и счастливая семья, и очень огорчалась, когда Иза после семейных ссор жаловалась на мужа. Она хорошо знала непростой характер сестры и понимала, как нелегко приходится с ней Мишеньке. Да-да, про себя она по-прежнему называла его «Мишенька».

Родители ушли совсем не старыми, один за другим. Сначала мама, потом отец. После смерти матери отец так и не пришел в себя – часами сидел в материнском кресле и смотрел перед собой. Так в ее кресле и умер – просто заснул и не проснулся.

Матильда осталась одна. Вот тогда-то сестра и предложила ей съехаться – обменять комнату Михаила и трехкомнатную квартиру Матильды.

– Я же тоже имею на нее право! – заявила Иза. – И потом,

ты одна, а так будешь в семье.

Изольда считала, что делает великое одолжение, освобождая Матильду от одиночества. Да и потом, им жить вчетвером в коммунальной комнате, а Матильде – одной в отдельной трехкомнатной? Разве это справедливо? До желаний самой Матильды никому не было дела. В общем, съехались. Полгода подбирали варианты. Учитывали только пожелания Изы.

В новой четырехкомнатной квартире Матильде досталась самая маленькая, восьмиметровая, комната с окнами на север. Любимый родительский буфет, старинный, еще прабабкин, с резными деревянными лилиями по фасаду, Иза безжалостно выкинула. Матильда плакала, умоляла сестру сохранить буфет. Хотела поставить его в свою комнату, но не позволила кубатура, к тому же Иза кричала, что везти в новую квартиру «этот хлам» она не позволит. Сразу стало ясно, кто в доме хозяин и что роль Матильды четко определена – ей предстоит быть приживалкой. Единственное, что удалось спасти, – любимое мамино кресло и родительский торшер.

Домашние хлопоты – уборка, стирка, глажка и готовка – достались безропотной Матильде. Считалось, что Иза занимается детьми. Хотя и здесь не обходилось без Матильдиной помощи – сварить вечернюю кашу, выкупать детей, почитать на ночь книжку.

Иза мечтала выйти на работу, поэтому она предложила Матильде оставить службу в библиотеке и «полностью за-

няться домом». От возмущения Матильда задохнулась и расплакалась:

– Ну, знаешь, так распорядиться моей жизнью!

В первый раз сестры не разговаривали около месяца. Иза называла это «бунт на корабле» и посмеивалась. Михаил Борисович в отношении сестер не влезал, делал вид, что ничего не замечает. В общем, выбрал для себя удобную позицию.

Иза вышла на работу – устроилась секретаршей к начальнику стройуправления. Детей отдали в сад. Конечно, они начали без конца болеть, хватали все подряд – и свинку, и корь, и ветрянку. Иза укорительно смотрела на Матильду, Матильда отводила глаза и чувствовала себя виноватой. А когда Иза забеременела третьим ребенком, все само собой встало на свои места, Матильда ушла с работы.

Беременность Изы проходила очень тяжело – страшный токсикоз и угроза выкидыша. Детей из сада забрали, Иза боялась инфекций. Сама она почти целыми днями лежала – кружилась голова и безумно тошнило. Матильда полностью взяла на себя дом, и детей, и Михаила, и сестру. Третий ребенок, мальчик, родился недоношенным и очень слабым. И этого ребенка, которому отдавала всю душу, заботу и жалость, Матильда и полюбила больше всех.

Работал теперь один Михаил. Какая зарплата у специалиста, пусть даже у ведущего? Слезы, а не зарплата. И такая огромная семья!

Матильда научилась переплетать книги (по тем временам

платили за эту работу неплохо), а по утрам разносила телеграммы – благо почтовое отделение находилось на первом этаже их дома.

Однажды у Матильды появился кавалер – одинокий вдовец Виктор Петрович. Матильда принесла ему заказное письмо. Виктор Петрович пригласил почтальона выпить чаю – и знакомство завязалось. Как-то раз сходили в кино, пару раз погуляли в парке. Один раз сходили в театр.

Матильде он нравился – тихий, положительный, непьющий. Он предложил переехать к нему. Тем же вечером она рассказала все сестре.

У Изы началась истерика. Брызгая слюной и выкатив глаза, она кричала Матильде, что та полная идиотка и законченная дура.

– Он хочет использовать тебя! Нанять бесплатную домработницу. Проехать за твой счет! И ты будешь стирать ему носки и мыть за ним грязные кастрюли! А потом ты ему надоешь, и он выкинет тебя на улицу. И куда ты денешься – в дом престарелых? Обратный путь тебе заказан. Я предательства не прощаю!

Матильда сидела на стуле опустив глаза и тихо плакала. Тем же вечером она сказала Виктору Петровичу, что переехать к нему не сможет, и предложила просто встречаться – по выходным. А он ответил, что его это не устраивает, так как ему надо устраивать свою жизнь. И добавил, что будет искать другую соискательницу на место законной супруги.

– Вот видишь, я была права, – торжествующе объявила Иза. – Ты была ему нужна только в роли домработницы. А здесь ты в своей семье и в своем доме!

Матильда поплакала и признала правоту сестры. Матильда сказала Виктору Петровичу, что он свободен от своих обязательств и вправе устраивать свою жизнь. Он вздохнул и сказал, что ему очень жаль – такие порядочные и приличные женщины встречаются нечасто.

Больше с Виктором Петровичем Матильда не виделась. Лишь однажды, спустя примерно полгода, они столкнулись в дверях продуктового. Виктор Петрович нежно держал под руку свою спутницу – милостивую, пышнотелую крашеную блондинку средних лет в высокой норковой шапке. Он отвернулся и сделал вид, что Матильду не заметил.

А дети росли, и хлопот прибавлялось. Один принесет из школы грипп или коклюш – болеют всем скопом, по полной программе. Денег вечно не хватало, продукты достать было все труднее и труднее. Разнеся телеграммы, Матильда начала борьбу за выживание. Два часа отстоять за мороженым мясом, где костей больше, чем самого мяса. Два часа за сыром и колбасой. Еще полтора – за зелеными абхазскими мандаринами, определенно снятыми незрелыми. Если повезет – схватит ветку недозрелых бананов, килограмм в руки. Кому объяснять, что в семье трое детей! Таким же замученным, еле стоящим на ногах теткам?

Она еле тащилась домой с необъятными сумками, а дома

сестра устраивала очередной разнос: и мясо не то, и сыр подсыхший, и фрукты зеленые – как их давать детям?

Матильда опять плакала и пыталась оправдаться.

Летом была дача. А там хлопот еще больше, чем в городе, – ездить за продуктами в ближайший поселок или в Москву, готовить на керогазе, таскать воду из колонки. И полночи, почти до утра, ждать, пока дети вернутся с гулянок и свиданий.

В десятом классе Леночка влюбилась и бросила школу. Узнали они об этом почти перед самыми выпускными. До этого Леночкин возлюбленный доставал медицинские справки – его мать работала в районной поликлинике. Когда хватились, оказалось, что Леночка – на четвертом месяце. Вроно пошли навстречу, и ее перевели в вечернюю школу. Да это ладно, а что делать со всем остальным? Перепуганный кавалер жениться не отказывался, но разве в этом дело?

В общем, худо-бедно, сыграли свадьбу, и Леночка переехала в дом свекрови. А там отношения не сложились с первого дня. Свекровь обвиняла Леночку, что та совратила ее чудесного мальчика и поломала ему жизнь. Ну, с «совратила» понятно. Два неопытных птенца наломали дров и сами были напуганы до смерти.

Когда Леночка родила, Матильда стала приходить к ней почти ежедневно. Стирала ползунки и пеленки, гуляла с малышом, чтобы Леночка могла хоть часок прикорнуть днем, готовила ужин, чтобы не злить привередливую свекровь. И

тихо под вечер исчезала, чтобы никого не раздражать.

Борис поступил в институт. Мальчик вроде серьезный, положительный, но нездоровый – в семнадцать лет у него обнаружили диабет. Женился он на втором курсе. Ксаночка была приезжей, из Курска. Девочка тихая, скромная, воспитанная. Но Иза ее невлюбила. Называла забитой овцой и добавляла, что ее сын мог определенно рассчитывать на лучшее, хотя бы на москвичку с жилплощадью. Прописать к себе девочку она отказалась. Молодые обиделись и съехали в общежитие.

Через год Ксаночка родила первую дочку, Олечку. В общежитии – восьмиметровая сырая комнатуха. Общая кухня и туалет с душем на соседнем этаже. Как выкупать ребенка? Ставили в комнате таз, и Борис таскал ведрами воду, которую грели кипятильником. Матильда старалась помочь чем могла. Возила в судках обеда – суп, второе. Ксаночка плакала и говорила, что без нее они бы пропали.

Герман пустился во все тяжкие. Талантливый парень, все ему давалось легко, а учиться не захотел. Увлёкся гонками на машинах, а там – тотализатор. Легкие деньги. Потом начался ипподром, дальше – карты. Баб – море. Сошелся с одной, старше его лет на десять. Из «деловых», работала в ресторане метрдотелем. И еще спекулировала – тряпки, посуда, золото. Была не дура выпить. Жили весело, на полную катушку. Кабаки, гулянки, поездки в Сочи и Прибалтику. А там снова – кабаки и гулянки.

Иза сходила с ума. Кричала Матильде, что это ее воспитание. Что она распустила и избаловала детей. Матильда неловко оправдывалась и, как всегда, уходила к себе плакать. Михаил Борисович молча страдал – дети не оправдали его надежд.

А потом заболела Иза. Болезнь тяжелая, длительная и неизлечимая. Лимфогранулематоз. Человек не живет и не умирает – мучается. Теряет силы. Какой-то врач сказал Изе, что она заболела на нервной почве. И она обвинила во всем детей – безалаберных и безответственных, изуродовавших свои и ее жизни. Мужа, равнодушного, думающего только о работе. И конечно, сестру, «приложившую ко всему этому руку».

Но было не до обид и слез – надо было вытаскивать Изу. У Бориса и Леночки – дети, очень непростая жизнь. У Германа своя история – какие-то неприятности с органами. А Мишенька совсем сник и растерялся. Сидел за столом и смотрел в одну точку. Всех надо было вытаскивать и всем помогать.

Матильда стала главной в семье. Больница, врачи, Иза, племянники, внуки, домашние хлопоты, передачи в больницу и, конечно, потерянный и растерянный Мишенька – все было на ней.

– Только бы хватило сил! – шептала она по ночам.

И неумело, своими словами, молилась: выпрашивала у Бога здоровья сестре, душевных сил Мишеньке, благополучия племянникам и терпения и физических сил себе.

Когда забирали Изу из больницы на Каширке, жизнь в доме становилась и вовсе невыносимой. Больная обижалась, капризничала по любому поводу, привередничала в еде. Матильда откликалась на любую просьбу сестры, пусть самую нелепую. Уговаривала себя, что надо держаться.

Летом вывезли Изу на дачу. Поставили кровать под яблоней, и Иза целый день лежала и дремала. Однажды позвала Матильду, обняла ее и стала просить прощения.

– За что? – изумилась Матильда.

– За все, – усмехнулась Иза. – Ты же знаешь, есть за что.

– Ну, это дела давно минувших дней, стоит ли говорить? Жизнь сложилась так, а не иначе. Да и вообще уже почти прошла, – улыбнулась Матильда.

– Знаешь, мне осталось немного. Не перебивай, я это чувствую. – Иза вздохнула и взяла Матильду за руку. – У меня к тебе просьба. – Она замолчала и долго смотрела перед собой: – Не бросай Мишу. У детей своя жизнь. А он на земле один – ни друзей, ни родни. – Иза опять усмехнулась. – Ну, с друзьями это, положим, я постаралась. Ты же знаешь, как я не любила все это. Дети – эгоисты, все в меня, до отца им не будет никакого дела. А без тебя он пропадет. Да ты это и без меня знаешь.

Сестры долго сидели обнявшись и молчали. В конце августа Изе стало хуже, и ее отвезли на Каширку. А через две недели ее не стало.

После похорон Михаил Борисович почти не выходил из

своей комнаты. Есть отказывался, пил только чай. Матильда тихо заходила, ставила поднос с чаем и бутербродами, а он лежал лицом к стене и не поворачивался. На ее робкие вопросы не отвечал. Матильда уходила к себе и плакала. Через месяц вышел на работу. Приходил вечером, молча кивал Матильде, молча съедал оставленный на столе ужин и уходил к себе. Приходили дети и внуки – он смотрел на них с растерянной улыбкой, и казалось, что и они были ему в тягость.

Однажды Матильда постучалась к нему в комнату и сказала, что нужно поговорить: она считает, что им нужно разменять квартиру. Она согласна на любую и в любом районе. Он удивленно посмотрел на нее и признался, что ничего не понимает. Она терпеливо и медленно объяснила, что он еще молодой мужчина и может устроить свою жизнь. А она ему сейчас точно помеха. Он покачал головой и рассмеялся:

– Сбагрить меня хочешь?

– Что ты! – испуганно вскрикнула Матильда. – Как такое тебе могло прийти в голову!

– А тебе? – удивился он. – Мы же семья. Теперь, правда, в таком вот укороченном виде, – сказал он и заплакал.

Матильда обняла его и погладила, как ребенка, по голове.

Ровно в шестьдесят Михаил Борисович ушел на пенсию. Объяснил, что в последние годы абсолютно не видел смысла в своей работе – все пустое и надуманное. По утрам, после завтрака, взяв список, четкими буквами написанный Матильдой, шел в магазин. Матильда тем временем убирала

квартиру и готовила обед. Потом они вместе выходили на улицу, если было надо, в поликлинику, в сберкассу или на почту. Два раза в месяц ездили на кладбище к родителям и Изе. Потом возвращались и обедали. А после обеда Михаил Борисович ложился отдыхать, а Матильда смотрела очередной сериал и что-нибудь обязательно вязала – или носки внукам, или шапочки девочкам, или теплый свитер Мишеньке.

На дачу выезжали рано, на первые майские. Михаил Борисович топил печь и убирал участок. Матильда сажала цветы и зелень и хлопотала по хозяйству. Вечером – обязательная часовая прогулка.

Дни текли размеренно и однообразно, а в пятницу начались настоящие хлопоты. Первыми приезжала Леночка с мальчишками. Оно и понятно – ездили они на электричке, а там хоть куча народу и давка, но зато никаких пробок и можно рассчитать время. Мальчишки, естественно, были голодны как волчата. Матильда кормила их обедом. Потом они убежали в поселок, а Леночка ложилась отдыхать. Потом приезжал Борис с семьей – женой Ксаночкой, дочками Олей и Ларой и Лариным сыном Данилкой. Матильда опять накрывала стол и кормила всех обедом. Борис от усталости засыпал прямо в кресле за столом. Ксаночка уходила в дом, отдыхать. Что поделаешь – больной человек. Данилка капризничал и плохо ел, а сестры лениво переругивались. Матильда убирала со стола и мыла посуду. Совсем поздно, часам к десяти, а то и позже, на дачу приезжал Герман с очередной мо-

лодой женой. Все, отдохнув, просыпались и требовали чаю. А Герман, любитель шашлыка, разводил мангал. И опять, в который раз, накрывался стол, и все садились ужинать.

Матильда валилась с ног и с тревогой смотрела на Мишеньку. Она мерила ему давление, давала вечерние таблетки и уговаривала ложиться спать. Но молодые сидели почти до утра. Все утихали и расходились, когда уже начинало светать. И тогда Матильда засыпала.

А утром – хлопоты почище вчерашних. Просыпаются все в разное время. Долго, не торопясь, обстоятельно завтракают. Варят бесконечный кофе. Спорят, смеются, раздражаются. Наконец, с грехом пополам, все сыты и начинают шумно и суетливо собираться на озеро. Озеро не близко – километров двадцать от дачи. Матильда моет фрукты детям, наливает квас и выдает полотенца и подстилки. Наконец на двух машинах они уезжают. В изнеможении Матильда плюхается в кресло и сидит около часа. Потом с тревогой смотрит на часы – скоро все вернутся, и разумеется, голодные. Опять накрывает на стол, режет хлеб и салат и ставит на огонь картошку.

Все с шумом вытряхиваются из машин, ругаются из-за очереди в душ и наконец усаживаются обедать.

Так проходят суббота и воскресенье. Матильда еле держится на ногах. Собирает в пакеты оставшиеся пироги и зелень с огорода – с собой, в Москву. Все в очередной, двадцать пятый, раз садятся пить «на дорожку» чай. У Михаи-

ла Борисовича от шума и суеты поднимается давление. Матильда с тревогой смотрит на него и пытается уложить в кровать. Наконец все целуются и рассаживаются по машинам.

Матильда выходит на улицу и машет им вслед. Все. Слава богу, все. И эти выходные пережили. Она немного стыдится своих мыслей, ведь это все – ее любимая семья, самые родные люди. Просто она очень устала. Очень.

– Возраст, – тяжело вздыхает она и медленно идет к дому.

Она с тревогой, осторожно заглядывает в комнату к Мишеньке, но он дремлет.

Она еще долго, часа два, убирает со стола посуду, разводит в тазу теплую воду с жидким мылом. Перемывает и перетирает все до блеска, подметает. Потом вздыхает: одной метлой тут не обойдешься. Наливает в ведро воды и начинает мыть пол. Потом стелет свежую скатерть, идет на участок и срезает несколько крупных пионов – белых, розовых и темно-бордовых. Ставит их в вазу на стол и с удовольствием оглядывает кухню и террасу. Потом заваривает свежий чай – обязательно с двумя листиками свежей мяты, как любит Михаил Борисович. Мишенька. Потом, еле живая, она присаживается на табуретку, и вдруг ей приходит в голову мысль, что на ужин ничего не осталось, все до крошки подели. Она идет к холодильнику и достает пачку творога. Через пятнадцать минут готовы свежие, с изюмом, сырники – вдруг Мишенька захочет перекусить с вечерним чаем?

Матильда укутывает миску полотенцем и опять приот-

крывает дверь в его комнату. Видит, что он крепко спит. Она тихонько гасит ночник, на цыпочках выходит и осторожно плотно закрывает дверь в его комнату, убирает миску с сырниками в холодильник, наливает себе свежего, только что заваренного чая, берет в буфете две карамельки и идет к себе в комнату.

Надевает любимую ночнушку – старенькую, вытертую, фланелевую, уютную, ставит чай на тумбочку у кровати и зажигает ночник. Она ложится в постель и с удовольствием вытягивает гудящие опухшие ноги. Потом съедает карамельки и запивает их уже остывшим, но все еще ароматным чаем. Пробует почитать на ночь любимого Бунина, но чувствует, что у нее слипаются глаза. Гасит ночник и закрывает глаза.

Из открытого окна веет ночной лесной прохладой. Она думает о том, что сегодня снотворное ей наверняка не понадобится. И с удовольствием мечтает о завтрашнем дне, таком тихом, размеренном и предсказуемом. О завтраке вдвоем с Мишенькой, о дневных, таких приятных хлопотах, о вечерней спокойной прогулке по любимым и знакомым улицам, о чае вдвоем на веранде, в полной тишине и покое, о просмотре и обсуждении вечерних новостей... И еще она думает о том, что, пожалуй, никогда не была так счастлива, как сейчас. Она стыдится этих своих, как ей кажется, крамольных мыслей, но засыпает со счастливой улыбкой и слышит, как где-то отдаленно гремит гроза.

Небо вдруг светлеет от внезапных зарниц. А это значит,

что, скорее всего, прольется долгожданный дождь и наконец принесет облегчение измученным жарой людям.

Запах антоновских яблок

Нина Ивановна Горохова на судьбу не роптала и несчастной себя не считала – не тот характер. Да и к тому же всю жизнь ей внушали, что судьба ей ничего не должна.

Ко всему, что случалось в ее жизни, Нина Ивановна относилась с глубоким пониманием и почти равнодушием – ну, значит, так!

Характер у нее был спокойный, рассудительный, стойкий. В истерики не впадала и подарков от судьбы не ждала.

Нормальная русская женщина.

Родители, активные строители коммунизма и светлого будущего, шли по жизни с энтузиазмом – иногда, казалось, с чрезмерным.

Сложности быта переживались просто и с юмором. Родители работали на заводе, вставали рано и были всему снова рады – даже хмурому дождливому утру.

Отец напевал что-то бодрое, громко фыркая над раковиной, мама на полную громкость включала радио и жарила большую яичницу.

Вылезать из теплой постели не хотелось, но было стыдно – она, видите ли, нежится, а родители давно бодрячком.

Когда Нина приходила из школы, на плите всегда стояли щи и котлеты с макаронами. Ну или с гречкой. На балконе остужалась банка бледно-розового киселя.

Мама говорила, что компот – баловство. А кисель – это еда. Особенно с хлебом. Еще мама говорила: «Едим без деликатесов, зато голодных у нас не бывает».

На лето Нину отправляли в деревню к бабушке. Она ходила за коровой, выпасала гусей и кормила кроликов. В августе ходили по грибы и за горохом на колхозное поле.

Горох хотя и был колхозным, государственным, собирали его все, вся деревня. И стыдно никому не было. Гороха-то море! И нам хватит, и государству останется!

Его сушили на зиму – для супа и каши, а бабушка еще варила и гороховый кисель. Ничего, кстати, вкусного! Грибы солили, из кроликов и гусей делали тушенку.

В конце августа приезжали отец с матерью, неделю «балдели», а потом сосед Петька, водитель грузовика, за трешку отвозил их на станцию. Половина кузова была заставлена банками и мешками.

Нине было неловко, когда все эти несметные баулы загружались в поезд. Но родители были счастливы.

– Теперь продержимся! – счастливо улыбался отец, поглаживая крупной рабочей ладонью мешки с картошкой и яблоками.

Нина, краснея, отворачивалась к окну.

В восьмом классе к ним пришла новенькая. Звали девочку Ингой.

Кроме необычного и красивого имени, у Инги были распущенные светлые волосы, перехваченные эластичной фио-

летней лентой, лаковые туфельки с пряжкой. И еще – полное презрение к одноклассникам мужского пола.

Посадили новенькую с Ниной. Та была счастлива, но тщательно это скрывала. На большой перемене все сорвались в столовую.

Все, кроме Инги. Из класса выходить она, похоже, не собиралась. Инга вытащила из портфеля румяное яблоко и зашелестела фольгой от шоколадки.

– А обедать, – робея, спросила Нина, – ты не пойдешь?

Инга с удивлением глянула на нее и брезгливо скривила губы.

– Щи хлебать? – с презрением уточнила она. – И перловую кашу?

Нине очень хотелось и щей, и каши, но она растерялась и тоже в столовую не пошла.

Достала учебник по физике и стала его листать.

Инга отломил кусок шоколадки, протянула соседке и достала из портфеля журнал мод с яркими картинками.

После школы Нина пошла провожать новенькую.

Инга рассказывала, что новую квартиру она не любила – далеко от центра, от потолка пахнет побелкой, да и вообще – это что, потолки?

– Что – «потолки»? – не поняла Нина. – В каком это смысле?

– Низкие, – вздохнула Инга. – Вот в Ленинграде у нас были, – она взмахнула рукой, – метров пять, не меньше! И все

с лепниной! Дом графини Незнамовой, слышала?

Нина не слышала ни про дом, ни про графиню, ни про потолок в пять метров, да еще и с лепниной.

Инга рассказывала, что отца перевели в столицу, никто этому не рад, потому, что «Москва – не Питер, понятно? Деревня!»

Нина кивнула, ничего не поняв. Но спорить ей не хотелось.

– Зайдем ко мне? – предложила Инга, и Нина с трепетом и радостью согласилась.

В полутемном коридоре пахло кофе и горьковатыми духами.

Из комнаты доносился чей-то приглушенный и низкий смех.

– Тома на телефоне, – бросила Инга и пошла в свою комнату.

Нина поспешила за ней.

В Ингиной комнате не было ни красного ковра на стене, ни кровати с панцирной сеткой и металлическими шариками, ни розового тюля на окне, ни грустной грузинской «отчеканенной» девушки, которая висела почти в каждом доме.

Низкий диван с подушками, синие плотные гардины, создающие уют и полумрак, торшер на деревянной ноге с голубым абажуром и картины на стене – малопонятные, как будто смазанные, совсем неяркие, но почему-то волнующие.

– Датошка, – кивнула на картины хозяйка. – Томин по-

клонник.

– Томин? – переспросила Нина.

Инга кивнула:

– Томин, мамулькин в смысле. Известный грузинский художник и давний ее обожатель.

От этих слов Нине стало жарко и душно: «мамулька» – это Тома? Поклонник Дато? И все это говорится так обыденно, словно замужней женщине иметь поклонника – совсем обычная история.

Инга поставила пластинку. Музыка Нине была незнакома, но так обворожительна, так прекрасна, что ей снова стало жарко и душно.

– Поль Мориа, – объяснила Инга. – Красиво, правда? Только немного грустно.

Дверь в комнату открылась, и на пороге возникла высокая худая женщина с ярко-рыжими, почти красными, явно крашеными волосами, в черном шелковом халате, перетянутым поясом на узкой девичей талии.

– Ингуша! – с укором сказала она. – У тебя гости, а тебе хоть бы хны!

Инга скривила гримасу и фыркнула.

– Девочки! На кухню! Маша постаралась – там столько вкусного!

Инга тяжело вздохнула и кивнула Нине:

– Пошли, делать нечего! Все равно не отстанут!

Кухня тоже отличалась от кухни в Нининой квартире, как

земля отличается от неба, а лето от зимы.

Вместо белой пластиковой мебели, кухонного гарнитура, за которым полгода охотилась Нинина мама, на этой кухне стоял огромный темный буфет с резными утками и зайцами. Посредине кухни царствовали большой овальный стол со скатертью и массивные, тяжелые стулья с зеленой бархатной обивкой. Совсем не кухонные стулья.

На столе стояли вазочки с печеньем, булочками и виноградом. И огромная ваза конфет, разумеется, шоколадных.

Томуля достала из буфета тонкие чашки – белые, с тонкой серебряной каймой – и налила из заварного чайника крепкой заварки.

– Мне чай, – пояснила она. – Кофе на сегодня определено достаточно. А ты, Инга? Кофе? И вы, Ниночка, тоже?

Нина кофе никогда не пила. Нет, пила, конечно, – растворимый из банки и столовский из титана, и еще – желудевый у бабушки.

Но вот такой, черный, ароматный, только что сваренный в медной и, видимо, очень старой турке, – точно впервые.

Пах он замечательно, но на вкус оказался терпким и горьким.

Нина видела, что Инга в чашку сахар не положила, и тоже решила пить несладкий.

Правда, было очень невкусно.

Инга и ее мать разговаривали как подруги – подтрунивали друг над другом, хихикали, обсуждали наряды и знакомых.

Потом зазвонил телефон, и Тома поспешно ушла.

– А где твоя мама работает? – спросила Нина.

– Тома? Работает! Да Тома дня в своей жизни не отработала! Скажешь тоже! – фыркнула она и засмеялась. – Ну ты даешь! – усмехнулась она. – Такие женщины, как Тома, никогда не работают! Такие женщины удачно выходят замуж – за дипломатов, военных, дирижеров и режиссеров!

Нина смутилась и покраснела, поняв, что ляпнула явную глупость.

Из дальней комнаты снова раздавался низкий Томин смех, и запахло сигаретным дымом.

После черного кофе Нину стало подташнивать и захотелось домой.

Инга ее не задерживала.

Уже в коридоре она мельком увидела комнату, где ворковала Ингина мать, – дверь была полуоткрыта.

Тома полулежала на узком диванчике-загогулине с высокой крученой спинкой, закидывая голову, выпускала тонкой струйкой дым, с интересом разглядывала, словно видела впервые, браслет на узкой руке и медленно кивала, словно одобряя кого-то или что-то.

В этой комнате тоже царил полумрак – бордовые шторы были задернуты, и горела только настольная лампа, стоящая на черном рояле.

– Тома у нас крот! – улыбнулась Инга. – Не любит наблюдать жизнь при естественном освещении. И себе больше нра-

вится – что самое главное!

Нина не очень поняла смысл сказанного, но кивнула и заторопилась домой.

Ее собственная квартира показалась Нине такой убогой, такой тесной и такой деревенской, что она села на табуретку и расплакалась. А вот кислых щей поела с удовольствием, и тошнота моментально прошла.

Их дружба с Ингой, растянувшаяся на всю долгую жизнь, казалась странной не только Нининым родителям, рыжей Томе, школьным учителям, одноклассникам, а в дальнейшем и Нининому мужу Володе, но и самой Нине.

Красавица Инга, с томной Томулей и папашей – начальником какого-то главка (Инга и сама не знала, какого именно), с прислугой Машей, с самой модной портнихой столицы, обшивающей капризных дамочек, и с личным водителем отца Севой, возившем девчонок по вечерам в театры, была, казалось, небожительницей.

Инга презирала всё и вся, включая собственную семью. Но простая, как медный пятак, Нина, с ее убогой жизнью и деревенскими родственниками, неожиданно стала для нее самым близким человеком.

Капризная, насмешливая, избалованная Инга, казалось, нуждалась в Нине куда больше, чем Нина в ней.

Мать Нины дружбу эту не приняла.

«Что тебе с ней? – недовольно спрашивала она. – Вы с ней разного поля ягоды, это ж понятно!»

Но с годами все смирились и привыкли.

Обе девочки были закрытыми и сторонились людей.

Инга прикрывалась цинизмом и иронией, а простая Нина была стеснительной и малообщительной от природы. Только оставаясь вдвоем, они, правда не сразу, начали открывать друг другу душу, делиться сокровенным и тайным. Делилась в основном Инга – Нина тайн так и не завела.

Только Нина знала о страстном романе подруги с женатым и взрослым мужчиной. И Нина отвозила ее в больницу на аборт, Нина, а не виновник неприятности. Она же ее из больницы и забирала.

Она же откачивала бедную Ингу, когда та решила напиться снотворного, чтобы навсегда покончить с несчастной любовью.

Она же уговаривала ее на все наплевать, увлечься кем-то другим и перестать считать себя женщиной роковой.

Но Инге роль женщины-вамп явно пришлась по душе. Она любила порассуждать о любви, об отношениях между мужчиной и женщиной, о вечном непонимании между полами, о том, что мужчина никогда не сможет сделать женщину счастливой и оставить при этом свободной. Она утверждала, что мир устроен несправедливо и надо срочно что-то делать с этим – ну сколько можно, в конце концов?

Ее так мучили эти вопросы, что она изводила не только себя, но и бедную, мало что понимающую подругу. Для той вопросы полов были ясны и закрыты – раз и навсегда. Чего

там мудрить? Надо выйти замуж, родить ребенка и просто жить! Как живут ее знакомые и родители – ходить на работу, варить обед, стирать белье.

Инга поступила в институт иностранных языков на переводческий.

А Нина, несмотря на хороший аттестат, пошла в текстильный техникум. Мама сказала, что главное – не высшее образование, а специальность. И наплевать, что училась Нина неплохо и в средний вуз прошла бы без проблем.

«Профессия закройщика прокормит всегда», – утверждала мама.

Нина легко согласилась – шить она любила и умела.

В двадцать лет Нина встретила Володю Горохова, просто-го таксиста, и через три месяца вышла за него замуж. Володя был ей понятен – таким был ее отец, приятели отца и соседи по дому.

Она совсем не задумывалась, любит ли она его и что такое любовь. Просто понимала одно – возраст подошел, замуж выходить нужно, и кандидатура Володи не самая плохая.

К Инге она теперь забегала нечасто – совсем не было времени.

Та доучивалась в институте, по-прежнему попадала в истории, падала из романа в роман, и каждый из них был более трагичным, чем предыдущий. Ингины избранники были как на подбор – либо женатые, либо сильно пьющие, либо

не увязанные с реальной жизнью никак: доморощенные гении, начинающие диссиденты и вполне состоявшиеся алкоголики.

Инга то пропадала в мастерской какого-то скульптора, отчаянно ищущего «новые формы», либо моталась в экспедицию в калмыцкие степи за начинающим режиссером-документалистом, перепечатывала самиздатовские рукописи для очередного нового вольнодумца.

Она стала совсем худой, очень коротко остригла свои прекрасные пепельные волосы, совсем под мальчика, и это было очень трогательно и незащитно. Носила только черные узкие вещи – брюки и водолазки, а на тонком пальце – серебряное кольцо с огромным желтым топазом – подарок Датошки, Томулькиного кавалера. Очень много курила и пила только черный кофе с куском сыра – все.

При всей разности их жизней, и вообще при всей их *разности*, они оставались подругами.

– Ты меня успокаиваешь, – говорила Инга. – Смотрю в твои спокойные глаза и прихожу в себя, становлюсь тише. Правда, ненадолго! – смеялась она.

Однажды она спросила подругу:

– А ты Вовку своего сильно любишь?

Нина пожала плечами:

– Я с ним живу, он мой муж, Ингуша. А про все остальное... Просто не думаю.

Инга посмотрела на нее, как на душевнобольную.

– А как ты спишь с ним? – уточнила она.

Нина улыбнулась:

– А как жена с мужем! Обыкновенно!

Инга вздохнула и покачала головой:

– Мне жаль тебя, Нинка! Потому... Потому что бывает необыкновенно! Ты поняла?

Нина махнула рукой:

– Мне бы твои заботы.

Через три года семейной жизни Нина родила дочку Галку.

Их семейная жизнь была по-прежнему скучноватой, обыденной – работа, ужин, телевизор перед сном. Только с рождением дочки прибавилось хлопот. Да и радости тоже... Наверное...

«Так живут все», – думала Нина, когда подступала тоска.

Как-то обмолвилась маме:

– Скучно как-то, мам. Будто обязали меня.

Мама вздохнула:

– А сколько у нас в году праздников, Нин? Ну, посчитай!

Нина посмотрела на нее с удивлением:

– При чем тут праздники, мама?

Мать не ответила и стала загибать пальцы:

– Первомай – это раз! Восьмое марта – два. Новый год и октябрьские, да, дочь?

Нина кивнула.

– И в жизни так же, – улыбнулась мать, – праздников по пальцам. А все остальное – будни, Нинок! Такая вот жизнь. –

И мать тяжело вздохнула.

Родным человеком муж для нее так и не стал – был кем-то вроде соседа. Однажды она подумала: «А мы ведь ни разу не разговаривали по душам! Ни разу не говорили откровенно. Ни разу я не рассказала ему, что меня мучает, что волнует. И вправду – сосед. Молчаливый, угрюмый и... Чужой».

Тогда впервые она позавидовала подруге. Подумала: «Жизнь ведь пройдет, а у меня так ничего не случится! Я так и не узнаю ничего из того, от чего может кружиться голова, сжиматься горло, дрожать руки. Я не узнаю, какое счастье не спать до утра, рассматривая спящее лицо родного мужчины.

Так и пройдет моя жизнь... Так и пройдет?»

Когда Горохов загулял – а Нина об этом узнала довольно скоро, – она удивилась одному: ее это совершенно не обидело, не задело и почти не расстроило.

Сама предложила ему уйти:

– Что тебе мучиться, Вова? Иди туда, где тебя любят и где тебе хорошо.

Он посмотрел на нее с удивлением – видимо, ожидал борьбы, слез, уговоров.

– А ты? – спросил он. – Ты меня не любишь, Нина?

Та пожала плечами. Муж вздохнул и пошел собирать вещи. Нина достала с антресолей старый чемодан.

Знала, что Горохов счастлив, родил еще сына. Увидела спустя лет семь его на улице с семьей.

Выглядел бывший муж хорошо, одет был чисто – было

видно, что за ним ухаживают и о нем заботятся.

Они шли вдвоем, держась за руки, и о чем-то оживленно спорили.

Рассмотрела Нина и его жену – обычная женщина, ее примерно лет. Полноватая крашенная блондинка. Одна из сотни, а может, из тысячи. Нинина сестра-близнец.

А получалось, что нет. С Ниной Горохов счастлив не был, а с этой – счастлив наверняка. У него глаза счастливого человека – это же сразу заметно.

Подумалось тогда – даже Горохов! И у него получилось.

Нина вздохнула и поторопилась уйти. Встречаться со счастливой семейкой ей не хотелось.

Впервые расстроилась: почему не получилось у нее, у Нины? Ведь не так плох был этот Горохов! Выпивал по праздникам и очень умеренно. Зарплату приносил неплохую. Мог починить кран и поклеить обои. Нормальный мужик – не злой и не жадный. Такими не разбрасываются – правильно говорила мама.

Только чужой он был все время.

Нине всегда казалось, что у них совсем ничего нет общего. А если подумать – дочь, квартира, отстроенная дача? И вообще – почти десять лет жизни.

«Когда тебе всего за тридцать, остаться одной не так страшно. Это не в пятьдесят, – думала Нина. – Замуж выйду еще раз пять, – шутила она, – если, конечно, будет желание».

Но не сложилось. Была пара историй, совсем мелких,

незначительных. Завателье Юрий Соломонович, например. Несколько раз сходили в кафе, дважды в кино. Юрий Соломонович сказал честно:

– Семейю я не брошу, а тебе помогу.

– Чем? – удивилась Нина. – Я вроде со всем справляюсь.

Он внимательно посмотрел на нее и покачал головой.

Однажды сели в машину, и он смущенно позвенел связкой ключей.

Квартира была явно семейной, богатой и ухоженной.

Нина довольно много выпила, потом пошла в душ, долго стояла под почти ледяной водой, и больше всего на свете ей хотелось сбежать домой.

«Нет, так нельзя, – подумала она, – я же не школьница. Зачем надо было ехать сюда, зачем?»

Она растерлась чужим полотенцем, сделала глубокий вздох, как перед эшафотом, и зашла в спальню.

Ничего плохого не было. Но и хорошего – тоже. Почему-то было жалко этого не очень молодого и, в сущности, хорошего и доброго человека. И еще было очень жалко себя.

Больше подобных встреч у них не было. Все закончилось само собой, без выяснений и непонимания.

Еще был двухнедельный роман в пансионате.

Сергей был ее ровесник, строитель из Подмосковья. Худой, высокий, симпатичный. Оказались за одним столиком в столовой. Погуляли после ужина, сходили в кинозал. Там он взял ее за руку, и она впервые вздрогнула от мужского

прикосновения.

Потом пошли к нему в номер, выпили коньяку с конфетами и...

Она осталась у него до утра. Он очень нравился ей, этот Сергей.

– Нинка! – смеялся он. – Ты – моя женщина! Только моя! – И целовал Нинины руки.

И Нина сразу в это поверила.

И ей показалось, что, может быть...

Остроумный, веселый, легкий. Молодой. Свойский какой-то.

А через пару дней к нему приехала жена – на выходные. И встретившись в столовой, он даже не кивнул – просто отвел глаза. Обнял жену и поцеловал ее в шею. А Нине показалось, что сделал он это специально – дескать, знай свое место! Где ты, и где она, моя жена.

На следующий день Нина уехала, не дождавшись окончания срока.

До сорока пяти желание устроить свою личную жизнь еще было. А вот потом... Пропало.

Так привыкла к одиночеству! Сама себе хозяйка, нет над ней начальников и руководителей.

«Значит, такая судьба, – думала Нина. – Бабий век мой прошел, не вышло. Бывает. Зато есть дочь. Пусть не рядом, но есть. Родной человек. Если что...»

Дочка рано выскочила замуж и укатила в Болгарию – ее

муж был оттуда родом, в Москву приехал учиться. Присылала матери сочные фрукты невысказанной сладости и звала ее в гости. Нина съездила, помогла ей по дому, пообщалась с новой родней и – заспешила домой.

Одиночество, знаете ли! Оно расслабляет. И еще: одиночество – самая стойкая из привычек.

Зашла в свою квартиру и обмерла от счастья – родные стены, родной диван. Родные запахи.

А Инга горела в страстях. Вышла пару раз замуж – *ненадолго, так, попробовать*.

Первый муж был опальным художником, писал странные и красивые картины, которые никто не покупал – до поры. В перестройку повалили иностранцы и начали скупать его работы скопом и оптом. Появились большие деньги, и пошла загульная жизнь – рестораны, гости, шампанское рекой.

Нина приходила к ним в мастерскую – народу тьма, местные бородачи, элегантные коллекционеры с Запада, в общем – богема.

Она помогала на кухне, бесконечно резала бутерброды, заваривала чай, варила литрами кофе и старалась поскорее уйти.

Однажды услышала, как Ингин художник назвал ее половойкой.

И больше она туда не ходила.

Беда пришла неожиданно, не предупредив, – как всегда.

Ингин муж замерз ночью на улице. Был, конечно, сильно

пьян. До дому оставалось всего ничего, но он поскользнулся, ударился головой и потерял сознание. Двор был темным, мимо никто не прошел. А может, и прошел. Время было такое – все чего-то боялись.

Утром его нашли мертвым.

Мастерскую у Инги отобрали – площадь эта была арендованная. Картины к тому времени оказались проданы, новых не было, и Инга осталась нищей и бездомной.

Идти к родителям не хотелось. Полгода она жила у Нины – отсыпалась, отъедалась, приходила в себя.

Сначала говорила, что вся ее прошлая жизнь – кошмарная, дикая суета и ледяная пустота, что человечество не придумало еще ничего лучше, чем покой, уют и стабильность.

А потом заскучала.

Дальше – снова влюбилась и ушла от Нины, объявив, что тухнуть в болоте за кисейными занавесками больше не собирается, что Нинина квартира похожа на кладбище и что такую жизнь может проживать только заслуженная, закоренелая дура.

Нина сначала обиделась, а потом облегченно вздохнула – вернулась радость одиночества и размеренность жизни.

«Наверное, я и вправду странная», – думала Нина.

Впритык к пятидесяти подъехала такая тоска...

Хоть волком вой. И выла, случалось.

Прекрасно понимала, что кандидатов на ее руку и сердце нет, да и никогда особенно не было, долгими взглядами ее не

провожают, годы летят так быстро, как ветер на пляже пролистывает забытый кем-то журнал. А впереди, увы, только старость с болезнями.

Подумала даже продать квартиру и переехать к дочке в маленький поселок под Варной. Там внучка, там тепло и солнечно. Дети рядом – самое главное.

А что здесь, в Москве? Да, своя квартира. Свой любимый диван. Работа, клиентки. Зарабатывала она всегда прилично – хорошая портниха всегда имеет заказы. Правда, шили сейчас не много – старались купить готовое. Но переделывали, подшивали, укорачивали – на жизнь ей хватало.

А сколько сейчас было тканей! Шелк, муар, тафта, сатин, джерси, бархат, велюр, кожа, твид. Разве могла мечтать о таком портниха в застойные годы? Эх, такие бы ткани тогда! Шили в те времена из того, что доставали. Даже из подкладочного что-то придумывали. А сейчас – красота, а шьют мало. Даже обидно. Как профессионалу, обидно.

Позвонила дочке и намекнула:

– Может, переехать к вам?

Дочка обрадовалась, затараторила, что была бы просто счастлива, что они с мужем давно хотели купить дом посвежее и побольше.

– Да, мамуль, продавай квартиру и приезжай! А там что-нибудь придумаем!

«Придумывать» почему-то сразу расхотелось – просто поняла: если приедет и привезет деньги с продажи квартиры,

дочь вложит их в новый дом, и она, Нина, там будет не хозяйкой, а приживалкой.

В общем, обещала подумать.

Дочка искренне огорчилась – уже настроилась на новый дом.

Нина усмехнулась: не мать ей нужна, а новое жилье.

Позвонила Инге – посоветоваться. Хотя все, конечно, давно решила.

Инга вступила, не дослушав:

– Спятила? Продавать квартиру, переться в чужую страну примачкой? Чтобы они загнали тебя работой? Внучка, хозяйство! Коз доить едешь? Жить у них на птичьих правах? Они быстренько все забудут, что ты продала квартиру, поверь! Живи для себя, – закончила бурную речь подруга. – Тебе что, плохо одной?

– А я не знаю, – растерянно ответила Нина, – хорошо или плохо.

Инга пережила двух мужей – второй брак оказался еще горше первого. Муж-искусствовед почти не зарабатывал, жили впроголодь, поддерживали родители – как могли. Отец был давно на пенсии, Томуля пребывала в тяжелой депрессии в связи с утратой красоты и молодости.

Искусствовед мучил Ингу капризами и ревностью.

Через пару лет он тяжело заболел, и она ухаживала за ним до последнего дня. Безденежье и тяжелые заботы подломили и состарили красавицу Ингу.

Похоронив отца и мужа, она вернулась домой. За Тому-лей тоже требовался уход, и измученная Инга говорила, что стала профессиональной сиделкой. «Ты могла бы подумать, что я так буду проживать свою драгоценную жизнь? Лично я – никогда!»

Ингу было жалко, Тому было жалко. Себя было жалко.

Получалось – ни у кого не сбылось...

Как-то вечером, перед сном, пришла в голову идея – продать старую дачу. Ее строил еще Горохов, помогали ему братья и два приятеля. Все своими силами, рабочих нанимать не пришлось. Сами клали фундамент, месили цемент, возводили стены. Домик получился небольшой, но крепенький, симпатичный.

В молодости дачу Нина не любила, но Горохов был помещан на огороде, и деваться было некуда – приходилось стоять кверху задом.

Огородница из нее была никакая, даром что летом росла у бабки в деревне. Наверное, это ей тогда и осточертело! А Горохов сажал фруктовые деревья, рыхлил огород, ставил теплицы. Сам ковырялся и от жены требовал. Удобств никаких, туалет на улице. Печка постоянно дымила, сколько ее ни чинили. За водой ходили на соседнюю улицу.

Но природа там была сказочная! Лес вокруг поселка, поле почти за домом, узкая, но чистая речка – в жару ребяшня из воды не вылезала. Птицы пели по утрам, а грибы росли сразу за домом, на сухой опушке, плотно застеленной сосновыми

иглами.

Но Нине хотелось на море, к южному горячему теплу, к сочным фруктам, горячим чебурекам, медовым запахам акации по ночам.

Или в санаторий, на все готовое. Чтобы не стоять на кухне, не бегать по магазинам. Но они снова ехали на дачу. А это, между прочим, еще и почти сто верст от Москвы!

Горохов ушел красиво – ничего не делил. Дочь Галка подросла, и необходимость в даче отпала. Нина была этому только рада – сплошное облегчение. Сейчас же она испытывала небольшую неловкость оттого, что обнадежила дочку и – прокатила. Решила – продам дачу и деньги вышлю Галке. Пусть небольшие, но все-таки. Это хоть как-то ее утешит.

Дала объявление, и желающие тут же нашлись. Потенциальные покупатели заехали за ней в воскресенье.

Нина села сзади. Мужчина за рулем был отъявленным весельчаком с хитрой кошачьей физиономией – хохмил всю дорогу, рассказывая старые и довольно пошлые анекдоты. А женщина, его жена, за весь неблизкий путь не проронила ни слова. Мужчина говорил, что семье необходим свежий воздух – детишки, понимаете ли! Вот Люсенька, – он кивал на жену, – и любимая теща.

«Понятно, – подумала Нина, – хочет свою Несмеяну кривомордую сбегать – хотя бы на лето. Вместе с отпрысками и вредной старухой. Сбегать и – гулевонить три месяца, а то и четыре».

Доехали. Вышли из машины, и Нина с трудом открыла заржавевший замок. На участке было прохладно, несмотря на очень жаркий и солнечный день. Трава выросла по колено – и это в начале июня. Да и сад так разросся, что сама Нина его не узнала. Яблони и вишни цвели, и казалось, что на деревьях накинули легкий кружевной оренбургский кипенно-белый платок.

Нина остолбенела от такой красоты.

Она открыла входную дверь, и из дома пахнуло затхлой, застарелой сыростью. Покупатели пошли смотреть дом, а она вышла в сад и села на скамеечку. Дышалось так, словно внутри ее наполнили покоем и счастьем.

Нина закрыла глаза и услышала легкий шелест листьев и нечеткий, отдаленный голос кукушки. Покупатели вышли на крыльцо и о чем то заспорили. Тихо шипела угрюмая жена и подхохатывал муж-весельчак.

Нина прошла по участку, потрогала уже набухшие кисти сирени, почки на огромном, разросшемся за годы чубушнике, увидела острые темные стрелы пробившихся нарциссов и светло-зеленые мясистые листья ранних тюльпанов. Позади участка, среди сорной травы, обнаружила заросшую клумбу с первоцветами – сиреневыми, желтыми, белыми. Она присела на корточки и погладила их.

Сели в машину. Долго молчали, а потом хмурая женщина объявила:

– Дом ваш нас не интересует! Совсем! Развалюха, а не

дом! Наверняка все прогнило! Его надо сносить и строить новый.

Муж смущенно молчал.

– Так вот! – продолжила его угрюмая супруга. – Дом ваш нам не нужен. Участок, согласна, неплох. По крайней мере – зеленый. Дайте адекватную цену, и можем начать разговор.

– Я подумаю, – тихо ответила Нина.

Оставшуюся дорогу молчали. У Нинино дома остановились. Она вышла, заглянула в водительское окно и твердо сказала:

– Дом я вам продавать не буду! Вы уж простите, что потеряли время.

Весельчак захлопал глазами и растерянно посмотрел на жену.

– Почему не будете? – нахмурила брови та. – Что это за фокусы такие?

– А я передумала! – весело сказала Нина и, махнув рукой – дескать, не обессудьте! – быстро пошла к своему подъезду. – Какой-то переворот в сознании, – бормотала она. – Просто переворот!

«Больше всего на свете я хочу... Жить на этой даче и разводить цветы! Нет, я определенно сошла с ума! – думала Нина, вертясь перед сном. – Я и цветы! Сумасшествие какое-то, вот прямо, ей-богу!»

В первый раз в жизни ей захотелось на пенсию. До этого и подумать о ней было страшно!

Но до пенсии было еще целых пять лет, а вот положенный отпуск маячил на горизонте. Через две недели Нина, собрав кучу сумок и вызвав такси, отбыла на дачу. Настроение у нее было прекрасным.

Работы там было, конечно же, невпроворот. Привести в порядок дом, отмыть, просушить, выкинуть старое и ненужное.

Через неделю дом сверкал, пах свежепокрашенными полами, чистым бельем и только что сваренным борщом.

«А вот теперь, – вожаделенно подумала она. – Теперь мы займемся участком!» И в предвкушении этого спала она тревожно и беспокойно, с одной только мыслью – скорее бы утро! И не дай бог – дожди!

И когда утром все-таки пошел дождь, она вышла на крыльцо и почему то расплакалась.

«Дура какая! – ругала она себя. – Нет, не дура – стервоза! Дачу ей захотелось! Цветочки сажать! Бред какой-то. Жила без этих цветочков, и вот – приспичило! Эгоистка и дрянь».

Конечно, глубоко в душе она понимала, что от дочери отвыкла, а к внучке привыкнуть так и не успела – прикипаешь к тому, с кем вместе живешь, кого растишь, в кого вкладываешь. А этого ее лишили. Или она сама себя лишила. Что разбираться?

Жизнь дочери в далекой Болгарии была слегка призрачной – нет, знала, что все хорошо и... Это ее вполне устраивало.

Одиночество – такая штука... Привыкнуть к нему трудно, а уж когда привыкаешь... Поди вытаци человека из него добровольно!

Возможно, человек этого хочет, но еще больше – боится.

«Дачу – на продажу, деньги – Галке», – решила Нина и стала собираться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.